

Особенности осмысления проблемы правосудия у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого

Поскольку в системе правосудия не только отражается механизм государственного устройства, но и наиболее обнаженно проявляется драматическое состояние общественных отношений и с особой остротой встают нравственные проблемы эпохи, то проблема правосудия не могла не привлечь пристального внимания Достоевского и Толстого – писателей, пытающихся разобраться в хаосе русской общественной жизни переломного времени. Многие исследователи в той или иной связи говорили о переключках двух судов – в «Братьях Карамазовых» и в «Воскресении», – но все же тема эта в литературоведении не исчерпана.

Близость Толстого и Достоевского в постановке этой острейшей проблемы поразительна. А разница в том, что все внимание Толстого сконцентрировано на социальном. Он разоблачает корень зла, который видит в существующих формах жизни, в социальных условиях, в государственном устройстве, и его позиция более жесткая и радикальная, чем позиция Достоевского. Как отмечает Н. Бердяев, Толстой смотрит на зло рационалистически. Его вывод прост и ясен, и он всецело лежит в плоскости социальной: нужно уничтожить условия, которые порождают преступления.

Достоевский воспринимал зло иначе. В «Братьях Карамазовых» описанию самой процедуры суда предшествует описание атмосферы, царящей в зале. Толпа ждет душеспасительного зрелища, забывая при этом о том, что решается судьба человека. В «Дневнике писателя» Достоевский пишет: «Зло таится в человеке глубже, чем предполагают обычно». Он не согласен с тем, что «если общество устроить нормально, то разом все преступления исчезнут... и все в один миг станут праведными». В толпе у Достоевского в концентрированном виде проявляется метафизическое зло, присущее человеческой природе, поэтому человек человека судить не может, как не может он спастись только своими силами, спастись без Спасителя.

Толстой метафизического зла не знал. Он сужает круг: в центре его внимания вершители правосудия и их жертва, и именно субъективные качества судейских не дают им права судить других.

Образы детей в «Воскресении» (ребенка, спавшего на полу камеры среди нечистот, и ребенка на руках матери, которого Нехлюдов видит в своем имении) переключаются с образом страдающего ребенка из сновидения Дмитрия Карамазова. Но у Достоевского за трагическим образом социальной несправедливости, рождающей нравственный отклик у Мити, тот же, что и у Нехлюдова, встает другое: «За «дите» и пойду <на каторгу>, потому что все за всех виноваты»¹. И это уже

«неэвклидова геометрия». У Достоевского идея деятельного добра сопрягается с идеей совиновности людей и ответственности их друг за друга. Зачарованность Достоевского метафизическим вопросом, сопряженным с тайной бытия и тайной человеческой души, была связана с чувством сверхразумной реальности, которого у Толстого не было.

Суть религиозного сознания Толстого пронизательно уловил Н. Бердяев: «Он гениально изобличил чудовищную неправду и мертвенность казенного, официального христианства... Но сила Толстого в деле религиозного возрождения исключительно отрицательно-критическая... Для Толстого существует не Христос, а лишь учение Христа, заповеди Христа... Он принимает христианство безлично, отвлеченно, без Христа, без всякого лика»². По мнению Бердяева, для Толстого характерно сочетание страстного поиска смысла жизни с отсутствием сознания трансцендентного, того сознания и той способности прикоснуться к мирам иным, которое в полной мере было присуще Достоевскому и сообщало его социально-философскому осмыслению проблем действительности особое звучание и особый смысл.

---

¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Л., 1972–1990. Т. 15. С. 31.

² *Бердяев Н.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 152, 139.